

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Приглашение
к размышлению

**ЧЕЛОВЕЧЕСТВО МЕЖДУ
ГЛОБАЛИЗАЦИЕЙ И НАЦИОНАЛИЗМОМ**

Ю.Д. Гранин, Х.Э. Мариносян.

**Глобализация, нации и национализм в истории
и современности. – М.: Гуманитарий, 2009. – 430 с.**

А.Е. РАЗУМОВ

Обозревая многовековую историю человечества, порой приходишь к неутешительным выводам. Покорив зверсты научно-технического прогресса и обретя небывалую власть над природой, народы и государства в подавляющем большинстве так и не научились строить социально-политическое и естественное пространство собственного обитания и взаимоотношения на основе разума и нравственности, предвидеть ближайшие и отдаленные последствия своих действий. Правда, еще в последней четверти XX века некоторые искренне считали, что вековые надежды на достижение человечеством стадии толерантного единства, верховенства разумности и гуманности начинают сбываться. Эти надежды связывали с процессом глобализации, который представлялся многим ученым и политикам важнейшим фактором устранения постоянных конфликтов и интеграции человечества. Но вскоре выяснилось, что глобализация не только не разрушает, но и консервирует планетарную иерархию народов и наций. Противоречия между различными этносами, нациями, государствами, между национальными государствами и международными властными структурами, между крупнорегиональными сообществами, между межгосударственными стратегическими объединениями и блоками не исчезают, а обостряются. Процессы глобализации в финансово-информационной сфере вторгаются в область прерогатив национальных государств, а ее очевидные, прежде всего экономические, преимущества для нескольких развитых стран для многих других оборачиваются значительными потерями, вызывая защитную реакцию противодействия. Элиты стран «второго», «третьего» и «четвертого» мира стремятся использовать мобилизационные идейно-политические возможности национальных государств, главной из которых был и остается национализм. В свою очередь, и

в странах «первого мира», почти повсеместно растет недовольство инокультурными иммигрантами, наплыв которых, даже в США, рассматривается как угроза национальной идентичности.

Становясь все более взаимосвязанным, человечество продолжает оставаться разделенным по многим параметрам. Ситуация складывается таким образом, что набирающий силу процесс глобализации, с одной стороны, проблематизирует дальнейшее существование национальных государств как наиболее распространенной институциональной формы общежития, а с другой, — стимулирует рост их активности, вызывает противодействие глобализации этнических, религиозных, культурных, политических и иных меньшинств, движений и организаций. Тем самым национализм как форма выражения национального (государственного) суверенитета и как политический принцип суверенизации этносов в статусе «наций» продолжает себя в качестве тенденции (и фактора) современного исторического развития, реализующейся в сложном взаимодействии с глобализацией человечества.

Каким же образом теоретически и исторически связаны между собой национализм и глобализация, и действительно ли в обозримом будущем мироустройство суверенных национальных государств уступит место мироустройству глобального сообщества открытых друг другу наций, эволюционирующему, как считают многие, в направлении к «глобальной демократии» и «глобальному гражданскому обществу»? Дать обоснованные ответы на эти и некоторые другие вопросы пытаются авторы рассматриваемой книги.

Последняя интересна не только тем, что в ней собраны и проанализированы все основные концепции глобализации, наций и национализма XIX — XX столетий. Несомненным достоинством работы является новая трансдисциплинарная трактовка понятий «глобализация» и «национализм», используя которую авторам удастся связать формирование евро-атлантической формы глобализации с национализмом основных европейских наций и этническим национализмом в XVIII — первой половине XX века, выявить диалектику современных глобализации и национализма в связи с изменившимися функциями национальных государств и новыми формами государственного и этнического национализма в конце XX — начале нынешнего столетия.

Монография состоит из пяти глав. Наряду с экспликацией и анализом в первой и второй главах работы («Глобализация и ее трактовки». — С. 23 — 139 и «Нация и национализм». — С. 140 — 222) философских и методологических оснований, заявленных в социальных науках концепций глобализации и национализма, следует обратить внимание на авторский анализ проблемы периодизации глобализации, ее исторических стадий и исторических форм. Отсутствие единства взглядов относительно начала и принципов периодизации глобализации, справедливо считают авторы, связано с плюрализмом ее трактовок и предпосланных им концептуализаций и периодиза-

ций истории человечества. В корпусе работ выделяются, конкурируя между собой, циклически-волновой и линейно-стадиальный подходы к изучению глобализации. По мнению авторов монографии они совместимы в границах предлагаемой ими аналитической модели исследования, в рамках которой глобализация не сводится к ее географическому аспекту — отмечаемому многими исследователями пространственному *распространению* людей, артефактов, символов и информации за пределы регионов и континентов посредством войн, миграций, установления транспортных, торговых и иных коммуникаций. Но, а включая его, глобализация понимается как сопутствующая этому процессу и детерминирующая его «*мегатенденция к поэтапному объединению цивилизационно, экономически, культурно, политически и иначе разделенного человечества в потенциально возможную глобальную (планетарную) общность, воплощенная в диалектике пространственно-временных перемещений, взаимодействий и трансформаций исторически конкретных антропосоциальных (т.е. культурно, политически и экономически связанных) целостностей*» (С. 137 – 138).

Разумеется, при использовании данной модели следует учитывать, что известная нам антропоистория представляет собой двуединый биосоциальный процесс *эволюции и распространения вида homo sapiens по планете*, сопровождавшийся его антропобиометрической (расовой, внутривидовой) дифференциацией, и *трансформации этого вида в «человечество»*, развитие которого, в свою очередь, было связано не только с увеличением его численности и географического пространства жизни, но и с перманентным усложнением и увеличением разнообразия форм целесообразной осознанной жизнедеятельности, с процессами социальной, экономической, политической и социокультурной интеграции — образования все более сложных и географически более обширных социумов, культур и цивилизаций, постоянно рождающих новые линии политических, экономических, культурных и иных дифференциаций. «Известная нам история — нелинейный процесс обуславливающих друг друга тенденций дифференциации и интеграции образующих человечество антропосоциальных целостностей, его (человечества) структурного усложнения и, одновременно, становления его целостности и единства, реализующийся в череде попыток формирования общего пространства совместной жизни сообществ людей на основе разных форм общежития и разных цивилизационных моделей развития» (С. 231 – 232). Этот вывод авторов следует поддержать.

Следует также поддержать и их мысль о том, что действительность осуществления поэтапной глобализации человечества характеризуется нелинейным характером сосуществования и смены ее исторических форм. Источником образования этих форм, читаем в книге, обычно оказывалась «пространственная и сопутствующая ей политическая, экономическая и культурная экспансия выходящих на авансцену региональной истории социумов, а содержанием — ис-

чезновение, поглощение и/или трансформация сталкивающихся антропосоциальных целостностей в территориально и численно более обширные интегративные образования, изменение географического масштаба и инфраструктуры взаимодействий между ними и формирование всякий раз иначе организованного, но постоянно расширяющегося, внешнего (международного) и внутреннего (государственного) социального пространства совместной жизни народов на основе той или иной цивилизационной модели развития». История человечества, подчеркивают авторы, «никогда не была “улицей с односторонним движением”, неизбежно ведущим к его объединению на основе какого-то одного типа экономического, социокультурного и политического развития. Соответственно и *глобализация как одна из ее тенденций была (и остается) результирующей многих попыток организации общего пространства совместной жизни народов и государств на основе разных политических и цивилизационно-культурных моделей развития*» (С. 237).

Конкретизируя гипотезу о наличии конкурирующих и сменяющих друг друга исторических форм и векторов глобализации в третьей главе «Глобализация: формирование наций и национализма в Европе», авторы логично связывают особенности осуществления европейского вектора глобализации человечества со становлением западноевропейской модели цивилизационного развития, исторический успех которой, помимо прочего, был связан с трансформацией политических субъектов и политических форм осуществления глобализации в европейском регионе планеты: переходом от этногосударственных и этноимперских форм общежития к национальным и национально-имперским. Последние, полагают авторы книги, имманентны западноевропейскому типу (модели) развития, характерной чертой которого стало формирование принципиально новых социальных общностей — наций и сопутствующего их образованию национализма, появление которых, в свою очередь, было вызвано процессами финансово-экономической, военно-политической и социокультурной интеграции полиэтнического населения Европы.

Обсуждая основные этапы и характерные особенности процесса интеграции в заключительном параграфе этой главы («От Европы “народностей” к Европе “наций” и национализма»), авторы показывают, что эти этапы и особенности были связаны с формированием и взаимодействием двух основных видов национализма — государственного и этнического. По их мнению, «нация — цель любого национализма, а национализм — средство национального строительства, доминирования и экспансии наций, используемое и не имеющими государственности этносами, и национальными государствами. Последние применяли и применяют “национальные формы” глобальных стратегий, стремясь добиться геополитического, экономического и иного преимущества для своих наций, активно используя имперскую политическую конструкцию. *История глобализации XVII — XIX столе-*

тий — история поэтапного разнообразного использования национально-особенных форм западноевропейской модели развития в целях финансово-экономического, военно-политического и культурного глобального доминирования нескольких наций-государств» (С. 290).

В четвертой главе «Евро-атлантическая глобализация и национализм в XIX — первой половине XX столетия» (С. 290 — 322) этот тезис получает развернутое обоснование, позволяющее выявить роль государственного и этнического национализма в осуществлении евро-атлантической глобализации.

В первом параграфе «Колониализм и империализм как превращенные формы государственного национализма» обосновывается тезис, согласно которому начиная с конца XVIII столетия основными субъектами глобализации постепенно становятся ведущие европейские нации и национальные государства и США, государственный (колониальный и имперский) «национализм» которых, в свою очередь, явился одной из последних в числе многих (исторических) форм выражения и движущих сил глобализации как мегатенденции к обретению историей качества всемирности и объединению человечества на основе западноевропейской модели развития.

Западноевропейская историческая форма глобализации, отмечают авторы, географически имела многовекторный характер, постепенно охватывая Центральную и Восточную Европу, Азию, Африку и обе Америки. «В Европе формирование и распространение западноевропейской модели развития выразилось а) в преодолении политической раздробленности и образовании с конца XVIII века территориально и численно более обширных новых — национальных — субъектов исторического действия («Войны королей превратились в войны народов-наций»); б) в появлении новой системы международного права и международных отношений, созданных на основе легитимации понятия «национальный суверенитет» («Вестфальский мир»); в) в формальном заимствовании странами Центральной и Восточной Европы, в том числе и Россией, западноевропейской «государственной машины» в качестве средства модернизации и мобилизации населения; г) в возникновении глобалистских философско-политических идей и концепций для Европы и всего мира, прежде всего — И. Канта и К. Маркса; д) в создании общеевропейских, а затем и международных организаций, ставших, наряду с вышеперечисленными явлениями основой распространения новых экономической (капиталистической) и политической моделей развития, способствовавших, по мере формирования этнического национализма на территориях Австро-Венгрии, Османской Порты и России, дезинтеграции этих «внутренних» империй» (С. 291 — 292).

Одним из мощных факторов распада таких империй, читаем в книге, стал культурный и политический этнонационализм, повсеместное нарастание которого в конце XIX — начале XX столетий позволяет рассматривать этот феномен в качестве контртенденции

вестернизации и империализма. В том, что политический национализм все-таки прижился не только в Европе, но и в Южной Америке, Азии и Африке сказывается, по мнению авторов, парадоксальная роль сформированной из местных жителей европеизированной части колониальной администрации и интеллектуалов, испытывавших фрустрацию из-за неприятия их «на равных» европейцами вследствие так называемого «ориентализма последних». В результате крайне остро встал вопрос об идентичности вестернизированных местных интеллектуалов, вынужденно обратившихся к «народным» символам и мифам. Так с момента появления неевропейского неонационализма во второй половине XIX века попытки систематической вестернизации многомиллионного населения колоний были постепенно оставлены. Доминирующим средством вестернизации стала военно-политическая имперская экспансия «без интеграции», сопровождавшаяся ожесточенным соперничеством за территориальный, торговый, финансово-экономический и ресурсный передел мира между ведущими европейскими державами и США.

Завершая этот раздел, авторы делают обобщающий вывод, отражающий квинтэссенцию исследования: *«“Вестернизация” как превращенная форма государственного национализма ведущих европейских держав и США, и государственный национализм как фактор и движущая сила евро-атлантической формы глобализации человечества, с одной стороны, и этнический национализм и изоляционизм как контртенденции евро-атлантической глобализации, с другой, — такова, по мнению автора, историческая диалектика глобализации и национализма в XVIII — начале XX столетия, в основном подтвержденная последующим развитием человечества во второй трети XX века»* (С. 322).

Эта мысль конкретизируется в заключительной главе «Глобализация и национализм в современном мире», где помимо новых тенденций, характерных для третьей — современной — стадии глобализации, обсуждается ее противоречивая связь с различными формами национализма, многообразии которых растет пугающе быстрыми темпами. Как и прежде, основной вектор развития глобализации связан с распространением евро-атлантической модели развития, и глобализация (в форме вестернизации) продолжает оставаться ведущей тенденцией эволюции современного человечества, теснейшим образом, хотя и по-разному, связанная с государственным национализмом многих стран. Заявившая о себе в предшествующую эпоху колониальных и внутренних империй диалектика глобализации и национализма, считают авторы, сохраняется: *«современная глобализация в основном продолжает оставаться превращенной формой национализма стран “первого мира”, стимулируя появление и распространение экономического, культурного и политического этнонационализма»* (С. 353). Но взаимосвязь интегративных и дезинтегрирующих процессов заметно усложняется, перманентно провоцируя и рождая «национализмы» разного вида и толка, вступающих в сложные симбиозы с самыми

разными, вплоть до расистских, экстремистских и террористических, идеологиями и практиками.

Анализируя этот процесс, авторы приходят к важному выводу: националистическая контртенденция неолиберальной глобализации стимулирует возможности появления новых форм глобализации на базе национальных концепций (программ) модернизации и использования католических, исламских, буддистских, конфуцианских, синтоистских и других цивилизационных ценностей. Разумеется, отмечается в книге, шансов «на равных» войти в глобальную экономику у подавляющего большинства стран «периферии» почти нет. Зато вполне реальны *национальные формы глобализационных стратегий индустриальных стран*, связанные с отказом слепо следовать рекомендациям МВФ, ВТО и других институтов международного неолиберализма, взамен которых предлагается признание приоритета национальных интересов, модернизация экономики, опирающаяся не только на заимствованные у Запада формы экономической и политической жизни, но и, главным образом, на собственные социокультурные и политические традиции и ресурсы. Ключевым моментом таких национальных стратегий является мера сочетания этих – западных и собственных – форм модернизации. Варианты здесь могут быть самыми разными: от весьма высокого уровня вестернизации нескольких сфер жизни государства, до незначительного, охватывающего, главным образом, экономическую сферу (С. 384 – 396).

В заключительном параграфе «Угрозы демократии в глобализирующемся мире» (С. 397 – 417) анализируются угрозы демократии, вызванные нарастанием микронационализма (этнонационализма), с одной стороны, и имперского национализма США, политические проекты возможного мироустройства: грядущего « сетевого общества», «мирового государства», «континентальных федераций», «глобального гражданского общества», «глобального гражданства», «общества множеств – рес-коммуны» или возглавляемой США «глобальной демократической империи». В обозримой перспективе, по мнению авторов, ни у одного из них нет шансов на реализацию. Поскольку «в той или иной степени они представляют собой линейные проекции неолиберальной модели глобализации в историческое будущее, не учитывающие многоликий национализм как ее движущую силу и одновременно – тормозящую и трансформирующую контртенденцию» (С. 417).

С этим выводом авторов, как и многими другими их идеями и концептуализациями, трудно не согласиться. И хотя, при желании, в книге можно обнаружить сюжеты и темы, открывающие возможности для иных интерпретаций, она являет собой пример глубокого и очень интересного исследования. Исследования, выводящего читателя за пределы традиционного дискурса глобализации в пространство философских размышлений о диалектике становления и нелинейной эволюции всемирной истории.